

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «ЗНАНИЕ»
ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ:
ПРОДУКТИВНОСТЬ МАКРОМЕТАФОР****М. С. ГУТОВСКАЯ¹⁾, Д. В. ШАЙБАКОВА¹⁾**¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлены результаты сопоставительного анализа способов метафорической организации представлений о феномене «знание» в русской и английской фразеологии с акцентом на продуктивности макрометафор. Исследование реализует когнитивный подход к метафоре, который предполагает, что метафорические единицы отражают мыслительные механизмы и являются инструментом ассоциирования абстрактных понятий с более конкретными. Корпус русских и английских фразеологизмов с семантикой 'знание'/'knowledge', сформированный посредством двухэтапной контрастивно-лексикографической методики, систематизируется с учетом предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и дополненной А. П. Чудиновым классификации макрометафор, которая различает онтологическую, ориентационную, антропоморфную, социоморфную, природоморфную и артефактную макрометафоры. Макрометафоры, как наиболее обобщенные метафорические конструкции, конкретизируемые группами концептуальных метафор, рассматриваются с точки зрения их продуктивности в образной организации феномена «знание». Установлены сходства и своеобразие в метафорическом представлении знания во фразеологии двух языков. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области когнитивной фразеологии, разработке теории когнитивной метафоры, сопоставительном лингвокультурологическом изучении фразеологии.

Ключевые слова: фразеологизм; фразеология с семантикой знания; макрометафора; продуктивность макрометафор; концептуальная метафора.

**МЕТАФАРЫЧНАЕ ПРАДСТАЎЛЕННЕ ФЕНОМЕНА «ВЕДЫ»
Ў ФРАЗЕАЛОГІІ РУСКАЙ І АНГЛІЙСКОЙ МОЎ:
ПРАДУКТЫЎНАСЦЬ МАКРАМЕТАФАР****М. С. ГУТОВСКАЯ^{1*}, Д. В. ШАЙБАКОВА^{1*}**^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Прадстаўлены вынікі супастаўляльнага аналізу спосабаў метафарычнай арганізацыі ўяўленняў аб феномене «веды» ў рускай і англійскай фразеалогіі з акцэнтам на прадуктыўнасці макраметафар. Даследаванне рэалізуе кагнітыўны падыход да метафары, які прадугледжвае, што метафарычныя адзінкі адлюстроўваюць

Образец цитирования:

Гутовская МС, Шайбакова ДВ. Метафорическое представление феномена «знание» во фразеологии русского и английского языков: продуктивность макрометафор. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2024;2:41–50.
EDN: EXXBRF

For citation:

Gutovskaya MS, Shaibakova DV. Metaphorical representation of the phenomenon of knowledge in the phraseology of the Russian and English languages: productivity of macrometaphors. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2024;2: 41–50. Russian.
EDN: EXXBRF

Авторы:

Марина Степановна Гутовская – доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета.

Дарья Вадимовна Шайбакова – магистрант кафедры английского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – М. С. Гутовская.

Authors:

Marina S. Gutovskaya, doctor of science (philology), docent; head of the department of English linguistics, faculty of philology.

marina-gutovskaya@yandex.by

Darya V. Shaibakova, master's degree student at the department of English linguistics, faculty of philology.

dasha.shaibakova@gmail.com

разумовыя механізмы і з'яўляюцца інструментам правядзення асацыяцый паміж абстрактнымі і больш канкрэтнымі паняццямі. Корпус рускіх і англійскіх фразеалагізмаў з семантыкай 'веды'/'knowledge', сфарміраваны з дапамогай двухэтапнай кантрастыўна-лексікаграфічнай metody, сістэматызуецца з улікам прапанаванай Дж. Лакафам і М. Джонсанам і дапоўненай А. П. Чудзінавым класіфікацыі макраметафар, якая адрознівае анталагічную, арыентацыйную, антрапаморфную, сацыяморфную, прыродаморфную і артэфактную макраметафары. Макраметафары, як найбольш абагульненыя метафарычныя канструкцыі, якія канкрэтызуюцца групамі канцэптуальных метафар, разглядаюцца з пункту гледжання іх прадуктыўнасці ў вобразнай арганізацыі феномена «веды». Выяўляюцца падабенства і своеасаблівасць у метафарычным прадстаўленні ведаў у фразеалогіі дзвюх моў. Атрыманыя вынікі могуць быць выкарыстаны ў далейшых даследаваннях у галіне кагнітыўнай фразеалогіі, распрацоўцы тэорыі кагнітыўнай метафары, супастаўляльным лінгвакультуралагічным вывучэнні фразеалогіі.

Ключавыя словы: фразеалагізм; фразеалогія з семантыкай ведаў; макраметафара; прадуктыўнасць макраметафар; канцэптуальная метафара.

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE PHENOMENON OF KNOWLEDGE IN THE PHRASEOLOGY OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES: PRODUCTIVITY OF MACROMETAPHORS

M. S. GUTOVSKAYA^a, D. V. SHAIBAKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: M. S. Gutovskaya (marina-gutovskaya@yandex.by)

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the ways of metaphorical organisation of the ideas about the phenomenon of knowledge in Russian and English phraseology with an emphasis on the productivity of macrometaphors. The study implements a cognitive approach to metaphor, which assumes that metaphorical units reflect thought mechanisms and they serve as a tool for associating abstract concepts with more specific ones. The corpus of Russian and English phraseological units with the semantics of 'знание'/'knowledge' is formed with a two-stage contrastive lexicographic technique and systematised considering the classification of macrometaphors proposed by J. Lakoff and M. Johnson and supplemented by A. P. Chudinov, which distinguishes ontological, orientational, anthropomorphic, sociomorphic, naturomorphic, and artefact macrometaphors. Macrometaphors as the most generalised metaphorical constructions, concretised by groups of conceptual metaphors, are considered from the perspective of their productivity in the figurative organisation of the phenomenon of knowledge. The article establishes the similarities and distinctiveness in the metaphorical representation of knowledge in the phraseology of two languages. The obtained results could be used in further research in the field of cognitive phraseology, development of the theory of cognitive metaphor, comparative linguocultural study of phraseology.

Keywords: phraseological unit; phraseology with the semantics of knowledge; macrometaphor; productivity of macrometaphors; conceptual metaphor.

Введение

Интерес к метафоре возник еще в Античности, однако в фокусе внимания первых исследователей метафоры оказывались в основном ее номинативная, оценочная и декоративная функции [1, с. 76]. В более поздних научных трудах отмечались гносеологическая ценность метафоры, ее интегрированность в процесс познания действительности. Последующая разработка вопросов связи ментальных процессов с языковыми обусловила выдвижение когнитивной теории метафоры в ряд перспективных и активно развивающихся направлений в лингвистике.

А. Ричардс отмечает, что если ранее «к метафоре относились как к украшению и безделушке», то теперь ее исследуют как «вездесущий принцип языка» [2, с. 45–47]. Когнитивный подход к изучению метафоры исходит из положения о том, что метафорические выражения не только выступают в качестве образных языковых средств, но и воспроизводят схемы мышления, на основе которых человек организует личный опыт и понимает мир. Классическая теория когнитивной метафоры, изложенная в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors we live by» [3], стала базисом для создания теории концептуального смешения Тернера и Фоконье [4], дескрипторной теории метафоры Баранова и Караулова [5], теории метафорического моделирования Чудинова [6; 7]. Теория когнитивной метафоры непрерывно

модифицируется, уточняется и дополняется как отечественными (Э. В. Будаевым и А. П. Чудиновым [8], Т. Г. Скребцовой [9], С. В. Киселевой [10]), так и зарубежными (Д. Ричи [11], Ш. Коулсон [12], А. Мусолффом [13]) исследователями. Подходы к изучению метафоры как способа мышления и познания мира, обработки накопленных знаний разнятся, но общей является точка зрения о том, что когнитивная метафора вплетается в языковую ткань и представляет собой механизм, обеспечивающий понимание одной области знания по аналогии с другой.

Сегодня исследования фразеологии в свете когнитивной метафоры проводятся весьма активно, однако наблюдается недостаток эмпирических данных в вопросе выбора и частоты использования различных макрометафор и концептуальных метафор при структурировании фразеологических (зафиксированных во фразеологизмах) представлений о конкретных феноменах мира в разных языках. В репрезентирующих один и тот же феномен фразеологических единицах разных языков посредством метафор могут запечатлеваться как сходства, так и различия в осмыслении и оценке соответствующего феномена, и этот факт определяет актуальность и перспективность их изучения в сопоставительном ключе.

В данной работе описываются макрометафоры, которые используются во фразеологии русского и английского языков для структурирования представлений о феномене «знание», проводится сравнение их продуктивности. Русская и английская фразеология знания рассматривается с точки зрения макрометафоры и концептуальной метафоры впервые, что обуславливает научную новизну исследования.

Материалы и методы исследования

Оценка перспективности лингвокогнитивного изучения метафорической фразеологии с семантикой знания осуществлялась на основе ряда критериев: 1) психологической важности для человека; 2) значимости во фразеологической системе; 3) степени изученности в лингвистике [14, с. 16–18]. Было показано, что феномен «знание» входит во все сферы жизнедеятельности человека и рассматривается многими отраслями науки, что определяет его психологическую важность. Установлено, что фразеосемантическое поле знания репрезентировано большим количеством единиц и оно имеет семантические связи с другими полями, что подтверждает его значимость во фразеологической системе. Немногочисленность посвященных семантике знания лингвистических работ и непоследовательность применяемых в них методов позволяют говорить о необходимости дальнейшего изучения этой темы. Все названное свидетельствует о перспективности исследования фразеологии знания в аспекте макрометафоры и концептуальной метафоры [15].

Для формирования репрезентативного двуязычного корпуса исследования была использована двухэтапная контрастивно-лексикографическая методика, которая предполагает выявление фразеологических единиц изучаемой семантики методом сплошной выборки из одноязычных фразеологических словарей и последующее уточнение полученных списков посредством направленной выборки фразеологизмов из различных одно- и двуязычных словарей – фразеологических и толковых (лексико-фразеологических) [16]. В качестве основных источников отбора фразеологического материала выступили словари «Фразеологический словарь русского языка» (ФСРЯ) и «The American heritage dictionary of idioms» (АНДИ). Данные словари сопоставимы по трем ключевым критериям [16, с. 36]: 1) объему словарей (оба словаря включают по 10 тыс. фразеологических единиц); 2) содержанию фразеологизмов одной формы существования языка – общенародного литературного языка; 3) охватываемому периоду (словари отражают современную фразеологию). На обоих этапах в корпус исследования включались фразеологические единицы, в словарных дефинициях которых присутствуют архисемы ‘знание’/‘knowledge’ или их дифференциальные семы (последние выявлялись методом цепочки словарных дефиниций [17, с. 112–114]). Благодаря такому подходу удалось достаточно полно и точно определить составы фразеологизмов с семантикой знания в русском и английском языках. Корпус исследования составили 230 метафорических фразеологических единиц: 107 единиц русского языка и 123 единицы английского языка.

Для систематизации материала исследования была использована классификация макрометафор, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и дополненная впоследствии А. П. Чудиновым. В классификации различаются следующие шесть видов макрометафор: 1) онтологическая макрометафора (в основе лежит опыт обращения человека с материальными объектами); 2) ориентационная макрометафора (в основе – опыт ориентации человека в пространстве) [3, р. 14–33]; 3) антропоморфная макрометафора (в основе – анатомические, физиологические и психологические особенности человека); 4) социоморфная макрометафора (в основе – принципы функционирования различных социальных областей); 5) природоморфная макрометафора (в основе – природные аналогии); 6) артефактная макрометафора (в основе – предметы созидания) [6, с. 77–78]. Для отнесения фразеологизма к одному из названных видов макрометафор применялся метод семантико-когнитивного анализа. Фразеологическая единица рассматривалась с точки зрения ее образной основы как выразителя закрепленного в единице взгляда носителя языка на

объект номинации, связи с историко-культурным контекстом уточнялись путем обращения к этимологическим данным. Полученные сведения подвергались когнитивной интерпретации для определения механизмов переосмысления. Выявленная и проинтерпретированная образная основа фразеологизма сопоставлялась с фундаментальными образами, присущими каждому виду макрометафоры. При обнаружении совпадений между образной основой фразеологической единицы и фундаментальными образами единица относилась к соответствующему виду макрометафоры. Рассмотрим этноспецифический фразеологизм *cut one's teeth on smth* (букв. 'прорезывать зубы о что-л.') 'get one's first experience by doing something, or learn early in life' (АНДИ, р. 194). Согласно этимологическим данным в основе фразеологизма лежат представления о появлении (прорезывании через десны) зубов у ребенка. Фиксируемая во фразеологизме образная связь специфики приобретения первых знаний с физиологическими особенностями человека позволяет квалифицировать фразеологизм как манифестант антропоморфной макрометафоры.

В исследовании проводятся качественный анализ и количественный анализ макрометафор (последний состоит в установлении продуктивности каждого вида макрометафоры, определяемой числом репрезентирующих вид фразеологических единиц), что позволяет выявить сходства и различия в образной концептуализации знания во фразеологии русского и английского языков.

Результаты и их обсуждение

Согласно активно развивающейся теории когнитивной метафоры нематериальные феномены часто осмысливаются человеком путем их соотнесения с конкретными объектами, наблюдаемыми явлениями материального мира. Феномен «знание», как многогранная абстрактная конструкция, не является исключением в этой закономерности. При осмыслении знания используются онтологическая, ориентационная, антропоморфная, социоморфная, природоморфная и артефактная макрометафоры, однако прослеживается их неодинаковая продуктивность. Данные о продуктивности названных видов макрометафор (в процентах, в порядке убывания признака) приведены в таблице.

Сравнительная продуктивность макрометафор

Comparative productivity of macrometaphors

Вид макрометафоры	Русские фразеологизмы		Английские фразеологизмы		Фразеологизмы в обоих языках	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Онтологическая	25	10,8	27	11,8	52	22,6
Антропоморфная	20	8,7	24	10,4	44	19,1
Социоморфная	17	7,4	24	10,4	41	17,8
Ориентационная	18	7,8	19	8,3	37	16,1
Природоморфная	16	7,0	15	6,5	31	13,5
Артефактная	11	4,8	14	6,1	25	10,9
<i>Всего</i>	<i>107</i>	<i>46,5</i>	<i>123</i>	<i>53,5</i>	<i>230</i>	<i>100,0</i>

Фразеологизмы, репрезентирующие онтологическую макрометафору. Проведенное исследование показало, что представления о знании наиболее часто моделируются по аналогии с процессами постижения человеком окружающего мира, его опытом взаимодействия с материальными предметами и обращения с ними. Наибольшее количество фразеологизмов (22,6 % в корпусе исследования) объективируют различные образы онтологических метафор. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, такие метафоры помогают сопоставлять достаточно абстрактные категории с осязаемыми реалиями, благодаря чему человек получает возможность рассуждать о нематериальных процессах в привычных понятиях [3, р. 25]. Например, составляющие феномен «знание» элементы – понятия, идеи, мысли и др. – метафорически осмысливаются как предметы, с которыми можно производить манипуляции: *подать мысль/идею* 'подсказать какую-л. мысль (идею); надумать' (ФСРЯ, с. 201); *keep in mind* (букв. 'держат в уме') 'remember' (АНДИ, р. 64). В терминах материального мыслится и разум (рассудок): *лишиться рассудка/ума* 'сойти с ума, помешаться' (ФСРЯ, с. 136); *lose one's mind* (букв. 'лишиться разума') 'go crazy, lose one's sanity' (АНДИ, р. 507). Быстрое усвоение знаний сравнивается с ловким обращением человека с физическими предметами: *ловить/поймать на лету* 'быстро, мгновенно понимать, усваивать' (ФСРЯ, с. 133); *be quick to grasp smth* (букв. 'быстро схватывать что-л.') 'be able to understand, assimilate thoughts, ideas quickly and easily' (БРАФС, с. 291).

В рамках онтологической макрометафоры ум (разум) нередко рассматривается в связи с его физическим вместилищем – головой. Мысли не только попадают в это вместилище и хранятся там, но и могут быть изъяты из него за ненадобностью: *лезть в голову* ‘настойчиво, неотвязно появляться в уме, сознании’ (ФСРЯ, с. 132); *выбросить из головы/памяти* ‘забыть, оставить мысль о чем-л.’ (ФСРЯ, с. 41); *stuff one's head with smth* (букв. ‘набивать голову чем-л.’) ‘overload memory with much information or knowledge, often unnecessary’ (БРАФС, с. 111); *get out of mind/head* (букв. ‘выбросить из ума/головы’) ‘forget intentionally, stop thinking about something’ (БРАФС, с. 115). Интеллектуальные способности увязываются с физическими характеристиками головы. В фокус внимания попадает оппозиция *твердый – мягкий*: в зависимости от лингвокультуры умственная неполноценность и непонятливость связываются с излишней твердостью или, наоборот, мягкостью головы (*хоть кол на голове теши* ‘об очень упрямом или непонятливом человеке’ (ФСРЯ, с. 112); *soft in the head* (букв. ‘мягкий в голове’) ‘mentally deficient; silly, foolish’ (АНДИ, р. 755)). Сила ума, подобно материальным предметам, интерпретируется в количественных характеристиках: *ума палата* ‘об очень умном человеке’ (ФСРЯ, с. 189); *have a lot of brains* (букв. ‘иметь много мозгов’) ‘be very intelligent’ (БРАФС, с. 671).

Итак, основным приемом при метафоризации знания по онтологической модели является перенос фрагментов опыта физического взаимодействия с предметами действительности на нематериальные, психические явления. Использование онтологических метафор в осмыслении абстрактного позволяет человеку рассуждать о нем в терминах конкретного, концептуализировать его в виде предметов или материалов, а затем делать попытки его качественной и количественной оценки и классификации.

Фразеологизмы, репрезентирующие антропоморфную макрометафору. При осмыслении феномена «знание» достаточно часто используются образы, связанные с анатомическими, физиологическими и психологическими особенностями человека, что формирует антропоморфную макрометафору (19,1 % фразеологизмов в корпусе исследования). А. П. Чудинов отмечает антропоцентричность метафорической картины мира и присущее человеку свойство концептуализировать действительность «в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками» [7, с. 58]. Например, приобретение знаний в раннем возрасте осмысливается по аналогии с особенностями индивидуального физиологического развития человека: *всосать с молоком матери* ‘усвоить с детства’ (ФСРЯ, с. 39); *imbibe with mother's milk* (букв. ‘впитать с молоком матери’) ‘learn something well during one's earliest years’ (БРАФС, с. 330). Ум и проницательность увязываются с наличием у человека конкретной части тела – головы: *иметь голову на плечах* ‘быть умным, сообразительным’ (ФСРЯ, с. 52); *have a good head on one's shoulders* (букв. ‘иметь хорошую голову на плечах’) ‘be intelligent or shrewd; have good sense or good judgment’ (АНДИ, р. 335).

Обладание знанием связывается с возможностью человека видеть: *открыть глаза* ‘вывести из заблуждения, помочь правильно понять истинное положение вещей’ (ФСРЯ, с. 48); *have eyes in the back of one's head* (букв. ‘иметь глаза на затылке’) ‘be more aware of what is happening than is generally realized’ (АНДИ, р. 250). Утрата возможности актуализировать знания о ком-либо, чем-либо ассоциируется с исчезновением предмета из поля зрения как видимого глазом пространства: *терять из виду* ‘не знать, где находится кто-л., не иметь никаких сведений о ком-л.’ (ФСРЯ, с. 30); *lose sight of smth* (букв. ‘терять из виду что-л.’) ‘forget to consider something’ (АНДИ, р. 507). Эти и подобные примеры показывают, что доступность сознанию интерпретируется как доступность глазу, взору, недоступность – как нахождение вне поля зрения.

Некоторые единицы, построенные по антропоморфной модели, фокусируются на аспектах человеческого здоровья. Интенсивные размышления могут связываться с различными видами травм головы и мыслиться как причиняющие боль: *сломать голову* ‘измучиться, упорно думать над чем-л.’ (ФСРЯ, с. 264); *give a headache* (букв. ‘причинять головную боль’) ‘cause a state of extreme mental exertion’ (БРАФС, с. 106). И напротив, возвращение способности рассуждать и мыслить ассоциируется с устранением проблем с физическим здоровьем: *вправить мозги* ‘заставить образумиться, заставить понять, осознать ошибку’ (ФСРЯ, с. 153); *come to one's senses* (букв. ‘прийти в чувства’) ‘return to thinking or behaving sensibly and reasonably; recover consciousness’ (АНДИ, р. 170).

Среди основных физиологических особенностей человека при метафорической интерпретации знания особое внимание уделяется биологической потребности в пище. Знания, мысли и идеи метафорически соотносятся с едой как неотъемлемой частью человеческого существования: *пища для размышлений* ‘данные, на основе которых можно делать выводы, рассуждать’ (OnlineCA); *food for thought* (букв. ‘пища для размышлений’) ‘an idea or issue to ponder’ (АНДИ, р. 278). Процесс передачи знаний отождествляется с процессом кормления: *класть в рот* ‘очень подробно растолковывать, объяснять’ (ФСРЯ, с. 110); *spoon-feed smth to smb* (букв. ‘скормить с ложки’) ‘explain something to somebody in the simplest and most

detailed way possible' (БРАФС, с. 501). Такие ассоциативные механизмы могут говорить о том, что потребность в приобретении знаний так же актуальна для человека, как и потребность в получении пищи.

При объективации концепта знания посредством образов антропоморфной макрометафоры носители языка запечатлевают во фразеологии «свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе» [18]. Мыслительные процессы являются неотъемлемой частью человеческой природы, однако связанные с ними интеллектуальные феномены недоступны непосредственному наблюдению, что затрудняет их восприятие. Сложные ментальные феномены осмысливаются через более простые и наглядные физиологические или анатомические феномены, что помогает приблизиться к пониманию их природы.

Фразеологизмы, репрезентирующие социоморфную макрометафору. Сфера знания моделируется и по образцу сфер человеческой деятельности [6, с. 78], формируя достаточно продуктивную социоморфную макрометафору (17,8 % фразеологизмов в корпусе исследования). Идеи и мысли нередко сравниваются с деньгами и имуществом (*мертвый капитал* 'об идеях, мыслях, знаниях, не находящих себе применения' (ФСРЯ, с. 147); *put in one's two cents* (букв. 'вставлять два цента') 'express one's unsolicited opinion for whatever it is worth' (АНДИ, р. 287)), а процесс приобретения опыта – со школьным образованием (*извлечь урок* 'приобрести опыт в результате неудачных действий' (OnlineCA); *school of hard knocks* (букв. 'школа тяжелых ударов') 'practical experience of life, including hardship and disappointments' (АНДИ, р. 709)).

Достижение взаимопонимания и, наоборот, значительные проблемы в ходе обмена информацией соотносятся с особенностями межличностной коммуникации в части используемых в общении языков: *говорить на разных языках* 'не понимать друг друга' (ФСРЯ, с. 50); *speak the same language* (букв. 'говорить на одном языке') 'understand one another very well, agree with each other' (АНДИ, р. 762). Приведенные аналогии характерны для русского и английского языков, что говорит о схожести моделей метафорического осмысления обсуждаемого феномена. Еще одним примером совпадающих национальных представлений являются метафоры, отражающие опытность человека или наличие у него необходимых в какой-либо сфере знаний: *мастер на все руки* 'о человеке, умеющем все делать' (ФСРЯ, с. 143); *jack of all trades* (букв. 'мастер всех профессий') 'a person who knows how to do many different things, usually very well' (АНДИ, р. 446). Эти фразеологизмы представляют знающего и сведущего человека как человека, обладающего практическими навыками в нескольких сферах производственной деятельности.

Образы формирующих социоморфную макрометафору фразеологических единиц достаточно разнородны. Отстаивание своих идей и мнений осмысливается в терминах военной сферы (*не сдавать позиций* 'не отступать под давлением обстоятельств, не отказываться от своих принципов, мнений, слов' (OnlineCA); *stick to one's guns* (букв. 'держаться за свое оружие') 'hold fast to a statement, opinion, course of action' (АНДИ, р. 778)). Для описания попыток получения интересующей информации используются образы, относящиеся к рыбной ловле (*закидывать удочку* 'осторожно узнавать, предварительно разузнавать что-л.' (OnlineCA); *fishing expedition* (букв. 'рыболовная экспедиция') 'an attempt to find useful information by asking questions at random' (АНДИ, р. 272)). В подкорпусах обоих языков встречаются метафорические переносы из сферы настольных игр (*карты в руки* 'о знатоке, авторитете в чем-л.' (ФСРЯ, с. 106); *stand pat* (букв. 'не менять карт в покере') 'refuse to change one's position or opinion' (АНДИ, р. 771)) и сферы торговли (*кота в мешке купить* 'приобрести что-л., не видя и не зная качества покупаемого' (ФСРЯ, с. 120); *buy a pig in a poke* (букв. 'купить свинью в мешке') 'buy, get something without having seen it, without having carefully examined its quality' (БРАФС, с. 267)). Перечисленные сферы репрезентируются небольшим количеством фразеологических единиц и соотносятся с разными атрибутами знания. Тем не менее вовлеченность разнообразных сфер человеческой деятельности в формирование образных представлений, связанных с концептом знания, позволяет говорить об универсальности и высокой социальной значимости рассматриваемого феномена.

Использование образов социоморфной макрометафоры подчеркивает неразрывность индивида и социума и двусторонность связи между знанием и социальной средой: знание не только формируется в определенном социальном контексте, но и обеспечивает функционирование общества. Человек активно участвует в создании различных социальных образований и управлении ими, что делает эти структуры близкими, понятными и подходящими на роль домена – источника осмысления знания.

Фразеологизмы, репрезентирующие ориентационную макрометафору. Носителями обоих рассматриваемых языков знание нередко осмысливается по аналогии с опытом ориентации человека в пространстве, что формирует ориентационную макрометафору (16,1 % фразеологизмов в корпусе исследования). Важность взаимодействия со средой и ориентации в ней связана с природой человеческого восприятия и в первую очередь с тем, что человек – физическое существо. Английский и русский языки имеют тенденцию к схожему ориентационному осмыслению знания, что проявляется в наличии аналогичных метафорических моделей. Например, отсутствие достаточного объема знаний или неспособность ими

оперировать сравнивается с пребыванием человека в темноте: *блуждать/бродить в потемках* ‘пытаться найти нужный подход к чему-л., верное решение, не располагая необходимыми сведениями, знаниями, опытом’ (ФСРЯ, с. 214); *be in the dark* (букв. ‘быть в темноте’) ‘lack comprehension or understanding of something’ (БРАФС, с. 291). Нелепые рассуждения метафорически связываются с неправильным положением атрибутов мышления относительно их привычного расположения в пространстве: *мозги набекрень* ‘о том, кто действует, рассуждает неумно или нелепо’ (ФСРЯ, с. 153); *have one's head on backwards* (букв. ‘голова задом наперед’) ‘not think rationally, be odd in thinking’ (БРАФС, с. 329).

В представлении носителей рассматриваемых языков для постижения знания необходимо преодолеть некоторое расстояние или погрузиться на глубину: *добратся до сути* ‘достичь понимания, найти разгадку, решение’ (OnlineCA); *plumb the depths* (букв. ‘проникать в глубины’) ‘examine something very closely’ (АНДИ, р. 643). Ориентационной оппозиции *глубоко* – *мелко* уделяется особое внимание: тайные и сокровенные знания и усиленные размышления о чем-либо ассоциируются с глубиной (*углубиться в себя* ‘предаться глубоким размышлениям, совершенно не замечая окружающего’ (ФСРЯ, с. 299); *in the depth of one's heart* (букв. ‘в глубине сердца’) ‘internally, secretly, referring to one's innermost feelings, thoughts’ (БРАФС, с. 100)), тогда как недостаток знаний – с недостаточной глубиной, нахождением на поверхности (*мелко плавать* ‘не иметь достаточных данных (способностей, сил, знаний, опыта), чтобы совершить что-л. значительное’ (ФСРЯ, с. 145); *scratch the surface* (букв. ‘царапать поверхность’) ‘have only a superficial idea about some matter, not delve deeply into the essence’ (АНДИ, р. 710)).

Представляющие ориентационную макрометафору фразеологизмы нередко имеют в своей основе образ пути как доминанты ориентации в пространстве. Следование неверным мыслям под чьим-либо давлением метафорически связывается с вмешательством стороннего человека в выбранный маршрут (*свлечь с пути истинного* ‘заставить отступить от верных мыслей, убеждений, толкнуть на что-л. дурное’ (ФСРЯ, с. 231); *lead astray* (букв. ‘увести с пути’) ‘encourage somebody to behave in a silly or criminal way’ (БРАФС, с. 473)), а потребность сделать выбор, основываясь на собственных знаниях, соотносится с необходимостью определения дальнейшего пути (*стоять на распутье* ‘в состоянии сомнения, раздумья, не зная, как действовать, не решаясь сделать выбор’ (ФСРЯ, с. 238); *at the crossroads* (букв. ‘на распутье’) ‘be undecided, not know how to act at a time when one must make a decision’ (АНДИ, р. 47)).

Таким образом, пространство выступает в качестве одной из фундаментальных категорий для метафорического осмысления феномена «знание». Физический опыт ориентирования формирует упорядоченную систему представлений, которая используется для организации и структурирования этого абстрактного концепта. В силу того, что человек существует в трехмерном мире и он заключен в собственную физическую оболочку, представления о внешнем мире выступают богатым источником для образной интерпретации знания.

Фразеологизмы, репрезентирующие природоморфную макрометафору. В образном представлении феномена «знание» нередко используются результаты осмысления опыта взаимодействия с природными объектами и явлениями, что формирует природоморфную макрометафору (13,5 % фразеологизмов в корпусе исследования). С помощью аналогий из животного мира может отображаться как достаточно обширный объем знаний и опыта (*морской волк* ‘о старом, опытном моряке’ (ФСРЯ, с. 35); *wise old bird* (букв. ‘мудрая старая птица’) ‘experienced, worldly-wise person who is not easily fooled’ (БРАФС, с. 68)), так и их нехватка (*глуп как сивый мерин* ‘об очень глупом человеке’ (ФСРЯ, с. 146); *dumb as an ox* (букв. ‘глупый как бык’) ‘exceptionally foolish, dimwitted, unintelligent’ (БРАФС, с. 312)). В основе приведенных метафорических фразеологических единиц лежит перенос сложившихся в отдельной культуре стереотипных представлений о животных на человека. Такие единицы, как правило, несут в себе оценочную характеристику и нередко отличаются экспрессивной или эмотивной окрашенностью.

Образы, относящиеся к миру неживой природы, используются для описания отношения человека к доминирующим в обществе идеям и мыслям (*плыть против течения* ‘действовать наперекор сложившимся традициям, мнениям’ (OnlineCA); *swim with the tide* (букв. ‘плыть по течению’) ‘go along with prevailing opinion or thought’ (АНДИ, р. 793)), обоснованности утверждений (*строить на песке* ‘опираться на недостаточно надежные и проверенные данные в своих планах, рассуждениях’ (ФСРЯ, с. 195); *build on sand* (букв. ‘строить на песке’) ‘base on unreliable facts, approaches’ (АНДИ, р. 115)). Метафоры, основанные на аналогиях с неживой природой, обладают меньшей коннотативной окрашенностью, чем метафоры, построенные на сравнениях с представителями животного мира. Тем не менее в некоторых единицах также имплицитно оценивается, которая может быть подчеркнута при использовании в определенном контексте.

Подобно обществу и социальным процессам природа нередко выступает источником исходных понятий в осмыслении сферы знания. Природные образы являются одними из самых древних и наиболее существенных для человека и могут сообщать фразеологии знания высокий коннотативный потенциал.

Фразеологизмы, репрезентирующие артефактную макрометафору. Наименее продуктивными оказались модели, представляющие артефактную макрометафору (10,9 % фразеологизмов в корпусе

исследования). По мнению А. П. Чудинова, в основе таких метафор лежат результаты созидательной деятельности человека – артефакты [6, с. 78]. Артефактами, попавшими в ассоциативное поле знания у носителей обоих рассматриваемых языков, стали созданные человеком механизмы и особенности их функционирования. Например, неспособность здраво мыслить и рассуждать отождествляется с поломкой, неисправностью механизма: *винтиков не хватает* ‘о глуповатом, странном человеке’ (ФСРЯ, с. 30); *slip a cog* (букв. ‘соскочила шестеренка’) ‘lose the ability to reason soundly or make correct judgments’ (АНДИ, р. 747). Присутствующие в сознании мысли могут ассоциироваться с элементами рукотворных конструкций, а усиленные попытки донесения информации до кого-либо – с размещением таких элементов в нужном месте (*звездем засестъ в голове/мозгу* ‘о неотвязной мысли, неотвязном вопросе’ (ФСРЯ, с. 46); *hammer home* (букв. ‘вбить на место (гвоздь)’) ‘try extremely hard to make someone understand or realize something’ (OnlineCA)).

В артефактной метафоре задействуется образ книги как кумулятора накопленных человеком знаний. В основе таких метафор лежит прием одушевления, и используются они по отношению к человеку, обладающему внушительным объемом знаний: *ходячий справочник* ‘о человеке, много знающем, у которого можно получить сведения по каким-л. вопросам’ (ФСРЯ, с. 273); *walking dictionary* (букв. ‘ходячий словарь’) ‘a very knowledgeable person’ (АНДИ, р. 882).

Артефактные образы являются разнородными и реализуются единичными фразеологизмами. В русском языке для описания обладания знанием используются образы из ремесленной (*не лыком шит* ‘о человеке, не лишенном способностей, знаний, умения держать себя’ (ФСРЯ, с. 138)) и кулинарной (*тертый калач* ‘об опытном, выдавшем виды человеке’ (ФСРЯ, с. 104)) сфер. В английской фразеологии представлены образы зданий и их внутреннего устройства (*have nothing upstairs* (букв. ‘не иметь ничего на верхнем этаже’) ‘be very dull-witted, foolish’ (БРАФС, с. 705)), а также средств передвижения (*train of thought* (букв. ‘поезд мыслей’) ‘a succession of connected ideas, a path of reasoning’ (АНДИ р. 852)).

Относительная немногочисленность относящихся к артефактной макрометафоре фразеологических единиц свидетельствует о немногочисленности ассоциативных связей между сферой знания и предметами, созданными руками человека.

Заключение

Когнитивный подход к изучению метафоры позволяет выявить метафорические структуры разного уровня обобщения – макрометафоры и конкретизирующие их концептуальные метафоры, которые используются при образном осмыслении феномена «знание» в русской и английской фразеологии.

Результаты исследования показывают, что онтологическая, ориентационная, антропоморфная, социоморфная, природоморфная и артефактная макрометафоры задействуются в формировании представлений о знании, однако прослеживается их неодинаковая продуктивность. Знание наиболее часто метафоризируется по онтологической модели (22,6 % фразеологизмов), что связано с высокой степенью важности для человека опыта обращения с материальными предметами. Онтологическая метафора выступает основным инструментом систематизации и категоризации абстрактных, сформированных умозрительным путем понятий сферы знания. Несколько реже используются антропоморфная (19,1 % фразеологизмов), социоморфная (17,8 % фразеологизмов) и ориентационная (16,1 % фразеологизмов) макрометафоры, это объясняется неразрывной связью индивида и лежащих в основе названных макрометафор сущностей. Так, антропоцентричность суждений человека о мире и тенденция осмысливать сложные ментальные особенности в терминах более простых и наглядных физиологических особенностей обусловили достаточно частое использование антропоморфной макрометафоры. Восприятие человека как существа не столько биологического, сколько социального, вовлеченного в общественные образования и общее взаимодействие с другими людьми, становится основой для использования социоморфной макрометафоры. Осознание человеком самого себя в трехмерной плоскости задает определенные алгоритмы для ассоциирования абстрактных феноменов с представлениями об ориентировании в пространстве и способствует становлению ориентационной макрометафоры. Сравнительно редко задействуется природоморфная (13,5 % фразеологизмов) и артефактная (10,9 % фразеологизмов) макрометафоры. Представляется обоснованным объяснить это тем, что сферы знания и природы, предметов, сделанных человеком, в сознании носителей языка мало связаны. Тем не менее наличие таких моделей осмысления свидетельствует о важности для человека как природы, являющейся древнейшей средой его становления, так и собственноручно созданных человеком объектов, материализующих накопленные им знания.

Использованная классификация и примененный метод семантико-когнитивного анализа позволяют выявить сходства и различия в метафорической интерпретации феномена «знание» в двух рассматриваемых языковых и культурных контекстах, а также определить тематические области, которые становятся доменами – источниками для концептуализации домена знания. Присутствие всех видов

макрометафор – онтологической, ориентационной, антропоморфной, социоморфной, природоморфной и артефактной – указывает на богатство и разнообразие способов метафорического представления знания в обоих языках. Разница в удельном весе относящихся к названным макрометафорам фразеологизмов может быть объяснена характером самого концепта, его абстрактностью и общей сложностью восприятия. Проведенное исследование показывает сложность и неразрывность связи языка, культуры и мыслительных механизмов в актах создания образной фразеологии знания. Полученные результаты могут способствовать дальнейшему изучению метафорического мышления в различных языковых и культурных контекстах.

Сокращения

AHDI – The American heritage dictionary of idioms / ed. by Ch. Ammer. 2nd ed. Boston ; N. Y. : Houghton Mifflin Harcourt, 2013. 920 p. ; **OnlineCA** – Словари и энциклопедии на Академике // Академик : сайт. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 20.01.2024) ; **БРАФС** – Лубенская С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь. 2-е изд. М. : АСТ-пресс, 2004. 1056 с. ; **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2008. 334 с.

Библиографические ссылки

1. Прокопчук О.Г. Развитие представлений о метафоре в античной риторической традиции (Аристотель и Квинтилиан). *Вестник БДУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика*. 2009;2:75–78.
2. Ричардс А. *Теория метафоры*. Арутюнова НД, Журина МА, редакторы. Москва: Прогресс; 1990. Философия риторики; с. 44–67.
3. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press; 2003. 243 p.
4. Fauconnier G, Turner M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books; 2008. 488 p.
5. Баранов АН. *Дескрипторная теория метафоры*. Москва: Языки славянской культуры; 2014. 632 с.
6. Чудинов АП. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет; 2003. 248 с.
7. Чудинов АП. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет; 2001. 238 с.
8. Будаев ЭВ, Чудинов АП. *Метафора в политической коммуникации*. Москва: Флинта; 2008. 248 с.
9. Скребицова Т.Г. *Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы*. Москва: ЯСК; 2018. 392 с.
10. Киселева СВ. Очерки по когнитивной теории концептуальной метафоры. *Ученые записки Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права*. 2012;19:33–42.
11. Ritchie D. «Argument is war» – or is it a game of chess? Multiple meanings in the analysis of implicit metaphors. *Metaphor and Symbol*. 2003;18(2):125–146. DOI: 10.1207/S15327868MS1802_4.
12. Coulson S. The Menendez brothers virus: analogical mapping in blended spaces. In: Goldberg A, editor. *Conceptual structure, discourse and language*. Palo Alto: CSLI; 1996. p. 143–158.
13. Musolf A. Metaphor in political dialogue. *Language and Dialogue*. 2011;1(2):191–206. DOI: 10.1075/ld.1.2.02mus.
14. Гутовская МС. К проблеме выбора фразеологического концепта для лингвокогнитивного изучения. *Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология*. 2013;3:13–20.
15. Шайбакова ДВ. Русская и английская фразеология с семантикой 'знание'/'knowledge': оценка перспективности изучения в свете когнитивной метафоры. У: Навумава ГУ, рэдактар. *Мова і літаратура. Матэрыялы 80-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ; 27 красавіка 2023 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2023. с. 116–119.
16. Гутовская МС. Контрастивно-лексикографический метод установления составов фразеосемантических полей в сопоставительных лингвокогнитивных исследованиях. *Вестник БГУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика*. 2013;2:34–41.
17. Попова ЗД, Стернин ИА. *Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания*. Москва: УРСС; 2010. 171 с.
18. Арутюнова НД. Введение. В: Арутюнова НД, Левонтина ИБ, редакторы. *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. Москва: Индрик; 1999. с. 3.

References

1. Prokopchuk OG. Evolution of notions about metaphor in classic rhetorical tradition (Aristotle and Quintilian). *Vesnik BDU. Seriya 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2009;2:75–78. Russian.
2. Richards A. *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Arutyunova ND, Zhurinskaya MA, editors. Moscow: Progress; 1990. [The philosophy of rhetoric]; p. 44–67. Russian.
3. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press; 2003. 243 p.
4. Fauconnier G, Turner M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books; 2008. 488 p.
5. Baranov AN. *Deskriptornaya teoriya metafory* [The descriptive theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2014. 632 p. Russian.

6. Chudinov AP. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2003. 248 p. Russian.
7. Chudinov AP. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2001. 238 p. Russian.
8. Budaev EV, Chudinov AP. *Metafora v politicheskoi kommunikatsii* [Metaphor in political communication]. Moscow: Flinta; 2008. 248 p. Russian.
9. Skrebtsova TG. *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody* [Cognitive linguistics: classical theories, new approaches]. Moscow: YaSK; 2018. 392 p. Russian.
10. Kiseleva SV. [Essays on the cognitive theory of conceptual metaphor]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo instituta vnesh-neekonomicheskikh svyazei, ekonomiki i prava*. 2012;19:33–42. Russian.
11. Ritchie D. «Argument is war» – or is it a game of chess? Multiple meanings in the analysis of implicit metaphors. *Metaphor and Symbol*. 2003;18(2):125–146. DOI: 10.1207/S15327868MS1802_4.
12. Coulson S. The Menendez brothers virus: analogical mapping in blended spaces. In: Goldberg A, editor. *Conceptual structure, discourse and language*. Palo Alto: CSLI; 1996. p. 143–158.
13. Musolff A. Metaphor in political dialogue. *Language and Dialogue*. 2011;1(2):191–206. DOI: 10.1075/ld.1.2.02mus.
14. Gutovskaya MS. On the problem of choosing a phraseological concept for linguistic cognitive study. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1, Philology*. 2013;3:13–20. Russian.
15. Shaibakova DV. [Russian and English phraseology with the semantics of ‘знание’/‘knowledge’: assessment of the prospects of studying in the light of cognitive metaphor]. In: Navumava GU, editor. *Mova i litaratura. Matjeryjaly 80-j navukovaj kanferjencyi studjentaŭ i aspirantaŭ filalogichnaga fakul’tjeta BDU; 27 krasavika 2023 g.; Minsk, Belarus* [Language and literature. Proceedings of the 80th scientific conference of students and postgraduates students of the faculty of philology of the Belarusian State University; 2023 April 27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2023. p. 116–119. Russian.
16. Gutovskaya MS. Contrastive-lexicographical method for determination of phraseological fields’ constituents in contrastive cognitive linguistic study. *Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2013;2:34–41. Russian.
17. Popova ZD, Sternin IA. *Leksicheskaya sistema yazyka: vnutrennyaya organizatsiya, kategorial’nyi apparat i priemy opisaniya* [The lexical system of the language: internal organisation, categorical apparatus and methods of description]. Moscow: URSS; 2010. 171 p. Russian.
18. Arutyunova ND. [Introduction]. In: Arutyunova ND, Levontina IB, editors. *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul’ture i yazyke* [Logical analysis of language. The image of a person in culture and language]. Moscow: Indrik; 1999. p. 3. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.04.2024.
Received by editorial board 01.04.2024.